

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ И ОПАСНОСТИ¹

Д-р Ник МЕГОРАН

старший преподаватель политической географии
Университета Ньюкасла
(Ньюкасл, Великобритания)

Д-р Джон ХЕЗЕРШОУ

старший преподаватель международных отношений
Университета Эксетера
(Эксетер, Великобритания)

*Введение.
Эта опасная Центральная Азия?*

Центральная Азия (ЦА) — это арена и источник некоторых особых и особых опасностей. По крайней мере, такова расхожая мудрость политического и журналистского сообществ Запада, индуст-

рии развлечений, да и немалой части академической регионалистики. Мы же категорически не согласны с этим и убеждены, что пора развеять недоразумения и предрассудки, на которых держится этот «дискурс опасности».

¹ Настоящая публикация представляет собой переработанную версию статьи авторов «Contesting Danger: A New Agenda for Policy and Scholarship on Central Asia» // International Affairs (London), May 2011, Vol. 87, No. 3. P. 589—612. Воспроизводится с разрешения правообладателей.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Как и почему Центральную Азию воспринимают и изображают каким-то особо опасным местом и к каким последствиям это приводит?» Ответ позволит очертить и рассмотреть тот «дискурс опасности», в рамках которого западные политические функционеры, представители академического сообщества, журналисты и широкая общественность интеллектуально осваивают все происходящее в регионе. Под «дискурсом» мы понимаем глубинные, универсальные и, казалось бы, само собой разумеющиеся исходные допущения, задающие основу и контекст для осмыслиения мира. Мы утверждаем, что содержание едва ли не большей части материалов по мировой политике и международным отношениям, новостных сообщений и репортажей, политических комментариев, фильмов, документальных сюжетов и даже академических публикаций по проблемам безопасности, конфликтов и международных отношений в Центральной Азии строится в соответствии с основанным на предубеждениях «дискурсом опасности». Этот дискурс акцентирует угрозы Западу и одновременно игнорирует те опасности, которые вызывают тревогу в самих центральноазиатских обществах. Его-то мы и раскрываем и критически рассматриваем в нашей статье.

Подобный геополитический анализ необходим по двум причинам.

- Во-первых, то, как политик оценивает те или иные географичес-

кие территории, влияет на то, как он действует. И в этом смысле западный дискурс опасности несет в себе угрозу для самой Центральной Азии.

- Во-вторых, исходное допущение опасности региона серьезно влияет на то, какие именно региональные исследования получают финансирование и публикуются.

Таким образом, до известной степени оно заранее формирует западные исследования Центральной Азии. Это западное геополитическое видение Центральной Азии и будет оспорено в данной статье.

В первой части статьи мы наметим общие контуры теории критической геополитики, на которую мы опираемся; затем охарактеризуем в общем виде картину опасности, вырисовывающуюся из западных исследований Центральной Азии. Далее будут рассмотрены три аспекта дискурса опасности: Центральная Азия как нечто *непонятное и непостижимое*, нечто *сугубо ориентальное* и нечто *непредсказуемо-взрывоопасное*. Заканчивается статья призывом к академическому сообществу оспорить западный дискурс опасности, уделив больше внимания альтернативным, исходящим из самой Центральной Азии нарративам опасности и более широкому контексту глобальных экономических процессов, преобразующих общество и экономику стран Центральной Азии.

Критическая геополитика и дискурс опасности

Отвечая на сформулированный выше вопрос, мы опираемся на теоретический конструкт критической геополитики. Геополитика, если воспользоваться определением Дж. Агню, — это изучение того, «как в реальности политические географы, другие ученые и политические лидеры пространственно представляют, дробят и классифицируют мир и упорядочивают его в виде иерархии более и менее «важных» мест»². *Классическая геополи-*

² Agnew J. Geopolitics: Re-Visioning World Politics. London: Routledge, 2003. P. 3.

тика исходит из того, что весь ход человеческой истории в значительной мере предопределен физической географией мира. Ведущий представитель геополитики этого типа — британский империалист Х. Маккиндер (1861—1947). *Критическая геополитика*, напротив, отрицает прямую зависимость мирового порядка от его природного субстрата и рассматривает этот порядок как социально и исторически выстраиваемый. Для этого она «самым пристальным образом изучает географические допущения, обозначения и конвенции, участвующие в формировании мировой политики»³, стремясь понять, как именно в рамках господствующих представлений «сшиваются» друг с другом описания мест и людей в попытке изложить и «объяснить» ход событий⁴. Критическая геополитика вовсе не отрицает, что мир — место для многих опасное. Она просто пытается в первую очередь разобраться в том, как и почему те или иные места рассматриваются как опасные и к каким последствиям это ведет.

Критическая геополитика утверждает, что геополитика не сводится к «ученым» трудам специалистов по геополитике вроде Маккинdera. Геополитика — это еще и практический геополитический дискурс различных органов, таких как внешнеполитические мозговые центры и правительственные бюрократические машины, а также различные популярные геополитические идеи, которые можно встретить в СМИ, фильмах, романах, телевизионных документальных сюжетах и т.п. Как замечают Дж. О’Туатейл и С. Долби, «геополитика пронизывает повседневную жизнь народов»⁵. В настоящей статье с помощью этого подхода мы рассмотрим, как именно Центральную Азию вписываются в глобальное пространство в виде объекта множественных и пересекающихся научных, практических и популярных дискурсов, изображающих ее как особо опасное место. Такого рода геополитический анализ весьма важен: ведь то, каким образом люди — и сами по себе, и как элементы различных организационных структур — мыслят о тех или иных географических территориях, влияет на их образ действий по отношению к этим территориям.

Опасности в западных исследованиях Центральной Азии

Долгое время «опасность» была одной из самых важных призм, сквозь которые европейцы и североамериканцы могли рассматривать и «осваивать» Центральную Азию, основываясь на западных, прежде всего британских и американских, исследованиях. Во времена «большой игры» XIX века в неизвестной и не союзной Британии Центральной Азии видели потенциальную угрозу для власти Британской империи. В период холодной войны в преобладающей массе западных работ по Центральной Азии повторялась мысль, что регион таит постоянную угрозу для Москвы. Ученые считали прямо не проявляющуюся тюркскую национальную гордость «самым прочным и надежным убежищем» от попыток Советов преобразовать регион⁶. Из-за того, что советская Средняя Азия

³ Ibid. P. 5.

⁴ Dodds K. Geopolitics in the Foreign Office: British Representations of Argentina 1945—1961 // Transactions of the Institute of British Geographers, 1994, Vol. 19, No. 3. P. 276.

⁵ Ó Tuathail G., Dalby S. Introduction: Rethinking Geopolitics: Towards a Critical Geopolitics. В кн.: Rethinking Geopolitics / Ed. by G. Ó Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. P. 5.

⁶ Hambly G., Bennigsen A., Bivar D., Carrère d’Encausse H., Hajianpur M., Lamb A., Lemercier-Quelquejay Ch., Pierce R. Central Asia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 241—242.

испытала «неудавшуюся трансформацию»⁷, регион якобы постоянно сохранял организический антагонизм по отношению к Москве и был источником «исламской угрозы Советскому государству»⁸.

С распадом СССР место знаний о Центральной Азии времен холодной войны заняла «транзитология» 1990-х годов. Согласно этой парадигме, новые независимые республики Центральной Азии совершили «транзит» к демократическому рыночному капитализму западного типа. Однако при этом приверженцев транзитологии постоянно преследовал страх, что этому нормативному сдвигу в сторону западной модели что-то угрожает. Так, Г. Фуллер писал, что США обеспокоены возможностью превращения региона в «рассадник гражданских войн, распространения ядерного оружия, радикальных исламистских движений, в поле боя азиатской геополитики, в экологическую пустошь, экономического калеку, в объект возрождающихся российских имперских планов»⁹. Вспышки межэтнического насилия в регионе на закате Советского Союза и гражданская война в Таджикистане, казалось, полностью подтверждали эти опасения и еще больше побуждали анализировать ситуацию в регионе в терминах миротворческих действий и предотвращения конфликтов. Эти тенденции были подытожены в исследовании Барнетта Рубина и Нэнси Любин «Calming the Ferghana Valley» (Умиротворение Ферганской долины)¹⁰, выполненном в 1999 году для американской неправительственной организации «Совет по международным отношениям». Таким образом, за последние полтора столетия в западном геополитическом воображении регион постоянно позиционировался как связанный с теми или иными опасностями.

Впервые подобное восприятие Центральной Азии было оспорено в критических исследованиях международных отношений и геополитики. В опубликованной в 2000 году рецензии на упоминавшийся доклад «Calming the Ferghana Valley» Н. Мегоран критиковал проект Центра превентивных действий (Center for Preventive Action) за поверхностный характер анализа и за методологические недостатки¹¹. В 2005 году к дискуссии присоединились и другие ученые, выступившие на страницах подготовленного Джоном Хезершоу и Стиной Торъесен специального выпуска журнала «Central Asian Survey» (Обзор Центральной Азии) под общим заглавием «Дискурсы опасности в Центральной Азии»¹². Авторы опубликованных в нем работ обращали внимание на то, что утверждения различных региональных и международных миротворцев и специалистов по предотвращению конфликтов об особой опасности региона не подтверждаются эмпирическими данными.

В 2007 году профессиональное сообщество специалистов по предотвращению конфликтов отреагировало на критику в тематическом номере журнала «Communist and Post-Communist Studies» (Исследования коммунистического и посткоммунистического периодов) под редакцией Д. Сандоула и К. Коростелиной под общим заглавием «Conflict and Conflict Resolution in Central Asia: Dimensions and Challenges» (Конфлик-

⁷ Soviet Central Asia: The Failed Transformation / Ed. by W. Fierman. Boulder, Westview, 1991.

⁸ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London: Croom Helm, 1983.

⁹ Fuller G. Central Asia: The Quest for Identity // Current History, 1994, Vol. 93, No. 582. P. 149.

¹⁰ См.: Rubin B., Lubin N. Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia. Report of the Ferghana Valley Working Group of the Center for Preventive Action. New York: Century Foundation, 1999.

¹¹ См.: Megoran N. Calming the Ferghana Valley Experts. A Review Essay of «Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia» by Nancy Lubin, Barnett Rubin, and the Center for Preventive Action. New York: The Century Foundation Press, 1999 // Central Asia Monitor, Vol. 2000, No. 5. P. 20—25.

¹² Discourses of Danger in Central Asia / Ed. by J. Heathershaw, S. Torjesen // Central Asian Survey, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 1—96.

ты и их урегулирование в Центральной Азии: масштабы и вызовы). Во многих статьях номера рассматривался потенциал насилия в регионе в парадигме анализа конфликтов. В заключительном редакционном материале Д. Сандоул утверждал, что на страницах выпуска с успехом опровергается «дискурс опасности», но отметил также ряд проблем региона, вызывающих опасения и требующих специальных усилий от соответствующих акторов в пяти странах региона, от ближайших соседей этих стран и от «той части международного сообщества, которую затрагивает или беспокоит сложившаяся ситуация»¹³.

В анализе Д. Сандоула механизм возникновения конфликтов толкуется в духе детерминизма: плохое образование стимулирует миграцию, а та, в свою очередь, порождает социальные беспорядки; мигранты пополняют ряды приверженцев «неофициального» политического ислама, стремящихся свергнуть укрепившиеся в этих странах авторитарные режимы, и тем самым превращаются в один из факторов принятия решений в «большой игре» вокруг Центральной Азии; это само по себе обостряет мятежи и конфликты.

В рассуждениях Д. Сандоула совершенно не учитывается роль субъективных интерпретаций, в том числе и его собственных исходных посылок. Вследствие этого он извлекает выводы о конфликтном потенциале Центральной Азии не из эмпирических данных о реальных конфликтах, а из проблем региона.

Мы в нашем споре с «дискурсом опасности» вовсе не утверждаем, что Центральная Азия не сталкивается с трудностями и угрозами. Просто мы пытаемся показать, что утверждения, подобные аргументам Д. Сандоула, выводятся из самого дискурса опасности, основанного на предубеждениях, замкнутого на самом себе и отражающего лишь те угрозы, которых страшится Запад, но не те, что испытывают и воспринимают в качестве актуальных сами жители Центральной Азии. А эти последние угрозы могут быть гораздо больше связаны с нынешней капиталистической перестройкой или с возведением разного рода националистических барьеров и границ¹⁴. Мы вовсе не утверждаем, будто исламизм, организованная преступность или терроризм не являются реальными чертами социальной жизни Центральной Азии — все это присутствует в регионе, как и во многих других частях мира. Мы говорим о другом — о том, что явно преувеличенные заявления отдельных аналитиков о «несостоявшихся государствах» в Центральной Азии не основываются на фактах. К тому же такой анализ далеко не всегда позволяет разглядеть подлинное социальное и политическое значение действий, которые помещают под рубрику «угроз», и понять, как эти действия влияют на другие социальные процессы и какое влияние они сами испытывают со стороны таких процессов. Факты не подтверждают детерминистский подход Д. Сандоула, в соответствии с которым слаборазвитость сама собой автоматически порождает конфликты. Многие другие аналитики подчеркивают относительную слабость исламизма в регионе¹⁵ и относительно невысокую интенсивность конфликта между великими державами в так называемой «новой большой игре»¹⁶. Основой для аргументов Д. Сандоула служат вовсе не факты, а априорный geopolитический дискурс опасности, к трем основным аспектам которого мы и перейдем.

¹³ Sandole D. Central Asia: Managing the Delicate Balance between the «Discourse of Danger», the «Great Game» and Regional Problem Solving // Communist and Post-Communist Studies, 2007, Vol. 40, No. 2. P. 260—261.

¹⁴ См.: Megoran N. The Critical Geopolitics of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary Dispute, 1999—2000 // Political Geography, 2004, Vol. 23, No. 6. P. 731—764.

¹⁵ См.: Lewis D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. London: Hurst and Company, 2008.

¹⁶ Collins K., Wohlfarth W. Central Asia: Defying «Great Game» Expectations. В кн.: Strategic Asia 2003—2004: Fragility and Crisis / Ed. by R.J. Ellings, A.L. Friedberg. Seattle, Washington: National Bureau of Asian Research, 2003. P. 291—317.

Первый аспект:**Центральная Азия как нечто непонятное**

Возможно, самый яркий из отмеченных выше элементов западного геополитического взгляда — тема «непонятности» Центральной Азии. Для западного геополитического анализа Центральная Азия — это что-то очень далекое, малоизвестное и недоступное пониманию, и уже в силу этого она таит для Запада угрозу, от которой следует оберегаться. Эта тема сегодня оказывается особенно актуальна в связи с «большой игрой», особенно когда в нынешних рассуждениях о «новой большой игре» встречаешь фрагменты из переизданий давних отчетов и рассуждений британских и американских исследователей¹⁷.

В 1996—2006 годах на американском телевидении шел очень популярный и получивший отличную прессу сериал Аарона Соркина «Западное крыло». Действие его разворачивалось в Белом доме при вымышленном президенте Джеде Бартлете (его играл Мартин Шин). На пике популярности аудитория сериала достигала 15—20 млн зрителей, по большей части состоятельных, высококвалифицированных людей, городских жителей и «либералов»¹⁸. Сам Соркин утверждал, что, создавая сериал, он стремился представить несколько идеализированную картину американской политики, предназначенную для образованной, компетентной аудитории¹⁹. Нарисованная им картина американских властных структур пусть и не списана с натуры, но выглядит вполне достоверной — и тем лучше выполняет свои функции по формированию общественного мнения. Как писал автор одной из рецензий на этот сериал, «роль массовой культуры и расхожих мнений велика, они составляют фундамент того, что многие люди думают о мире, в котором живут»²⁰.

В «Западном крыле» было три сюжета, связанных с событиями в постсоветской Центральной Азии. Два — не более чем эпизоды, зато третий — развернутое повествование о масштабном международном вооруженном конфликте в Казахстане, растянувшееся на весь заключительный сезон демонстрации сериала. И помимо этих трех сюжетов по ходу действия несколько раз упоминались те или иные страны Центральной Азии. Все такие случаи — без единого исключения — полностью согласуются с общей линией на изображение Центральной Азии в «Западном крыле»: перед нами нечто непонятное, неопределенное и потому таящее опасности.

В первый раз тема Центральной Азии в сериале возникает в сцене «Завтрак руководства» (второй сезон, 11 серия, демонстрировалась 10 января 2001 г.). В этой сцене один из персонажей, Сэм Сиборн (в исполнении Роба Лоу), человек в остальных отношениях в высшей степени эрудированный, в беседе с влиятельным журналистом путает Казахстан с Кыргызстаном (а речь идет о подозрениях относительно обладания ядерным оружием), что затем приводит к ряду проблем. Позже в разговоре с коллегой, Донной Мосс, Сэм осознает допущенную ошибку и очень расстраивается:

Сэм: Кыргызстан — он на том склоне горки, что обращен к Китаю, там же одни кочевники и овцы.

¹⁷ См.: Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997; Starr S.F. Making Eurasia Stable // Foreign Affairs, 1996, Vol. 75, No. 1. P. 80—92 (см. также: Edwards M. The New Great Game and the New Great Gamers: Disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey, 2003, Vol. 22, No. 1. P. 83—102).

¹⁸ Elber L. «West Wing» at Ratings Crossroads // Associated Press, 22 October 2002 [<http://b4a.healthyinterest.net/news/000172.html>], 31 July 2009.

¹⁹ См.: Интервью с Аароном Соркиным (дивиди диск).

²⁰ Philpott S., Mutimer D. Inscribing the American Body Politic: Martin Sheen and Two American Decades // Geopolitics, 2005, Vol. 10. P. 338.

Донна: Ну, может, в Кыргызстане все-таки есть ядерное оружие...

Сэм: Да там и кастрюлю-то не сразу найдешь!

Недоразумение приобретает совсем уж комический характер в одной из следующих серий, где Сэм упрашивает Донну, чтобы та, когда через несколько дней она встретится с журналистом в картинной галерее, каким-то образом в разговоре дала понять, что Сэм, конечно же, имел в виду Казахстан.

Думается, неслучайно именно Центральная Азия оказалась не по зубам даже Сэму Сиборну со всей его эрудицией. Журналисты, комментаторы, авторы путевых заметок, создатели фильмов постоянно представляют нам Центральную Азию как что-то «затерянное», «неисследованное», «далекое». Подобный геополитический образ Центральной Азии в массовом сознании играет огромную роль. Непонятая или неверно понимаемая, Центральная Азия не укладывается в современные дискурсы геополитики и международных отношений, предполагающие для любого геополитического объекта понятные и фиксированные границы, возможность четко определить, что является его элементом, а что лежит за его пределами. А раз «непонятная» Центральная Азия не желает отвечать диктуемому новым временем условию жесткой определенности, то ее акторов и институты можно не принимать в расчет. Центральная Азия предстает каким-то «антонимом» нашим идеалам — но таким, чья природа не ясна. Это обстоятельство вытесняет регион куда-то на обочину — «на склон горки», где «и кастрюлю не сразу найдешь», — а значит, делает его геостратегически неважным.

Куда более длинная сюжетная линия разворачивается на протяжении большей части последнего сезона демонстрации сериала в 2005/2006 году. В нескольких сериях развивается сюжет о заговоре с целью убить вымышленного президента Казахстана (который персонажи сначала снова путают с другой страной — теперь уже с Узбекистаном) Исатова и главу региональной нефтяной компании. За всем этим следуют сфальсифицированные выборы, гражданские волнения («народ Казахстана вышел на улицы, потому что у него укради выборы!») и вторжение в страну российских и китайских войск («война за нефть»). Лишь массированная интервенция США, которые ввели в страну 150-тысячный воинский контингент, позволяет развести противостоящие силы двух великих держав. Пресс-секретарь Белого дома С.Дж. Крэгг (Элисон Дженн) комментирует ситуацию следующим образом: «Я пытаюсь не дать Китаю и России уничтожить из-за казахстанской нефти все Северное полушарие».

Эта сюжетная линия в духе «новой большой игры» выглядит для исследователя поистине захватывающей: ее пример ясно показывает, каким образом непонятную и неизвестную Центральную Азию делают понятной и известной, описывая события в терминах устоявшихся геополитических и внешнеполитических стереотипов национальной безопасности и разрешения конфликтов. В этой картине Китай и Россия обречены на конфликт в своем неизбежном соперничестве за ограниченные ресурсы, а Соединенные Штаты выступают в роли благостного нейтрального миротворца. Национальные элиты региона — коррумпированные, полностью контролируемые великими державами и абсолютно безразличные к правам и благополучию своих народов — так и не выходят на сцену. Наконец, и сами народы Центральной Азии скрыты из виду: им отводится лишь роль носителей универсального человеческого стремления к демократическому транзиту. Подобное распределение ролей не слишком отличается от того, что рисовала западная пресса в геополитических описаниях происходящего в регионе, особенно во время двух наиболее заметных политических событий 2005 года: «революции тюльпанов» в Кыргызстане и «андижанской бойни» в Узбекистане. Оба события массировано и не слишком адекватно интерпретировались прессой как борьба народов за демократию, подавляемая авторитарными правительствами при полной политической безучастности великих дер-

жав, несмотря на определенное давление в пользу реформ со стороны Запада. Будучи местом непонятным и непредсказуемым, Центральная Азия является источником опасностей. Западные державы по понятным причинам относятся к этим опасностям с безразличием — но себе же на беду.

Второй аспект:

Центральная Азия как нечто сугубо ориентальное

Второй характерный мотив западного геополитического дискурса о Центральной Азии — восприятие региона как места сугубо «восточного», ориентального. Ориентализм неразрывно связан с колониальным опытом на Ближнем Востоке²¹. Майер показал, как западные работы времен холодной войны, посвященные Центральной Азии, ориентализируют свой объект — прежде всего тем, что рассуждают о нем в терминах, применяемых по отношению к колониальным народам Востока²². Сегодня «азиатскость» Центральной Азии присутствует в мировом восприятии в контексте ее описаний с точки зрения борьбы с терроризмом, борьбы с наркотиками и практических аспектов продолжающейся западной операции в Афганистане. После того как государства Центральной Азии стали независимыми от Советского Союза, о них все чаще и чаще упоминают в одном контексте не с их прежними европейскими соотечественниками по Советскому Союзу, а с их южными соседями, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Рассуждения о пяти постсоветских государствах региона в терминах дискурса безопасности ориентализируют эти страны, представляют их территориями, подверженными угрозе опасной «афганизации», продолжением Ближнего Востока и/или Азии.

Значение региона для международной безопасности конструируется на основе такого пространственного воображения и таких географических рассуждений, которые позиционируют Центральную Азию «на рубежах» Афганистана и даже относят ее к одному с Афганистаном региону²³. Подобное отношение заставляет смотреть на ЦА как на один из самых опасных и проницаемых для угроз регионов мира. Глава Института стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск США описывает ее как «ключевой театр военных действий в войне с терроризмом»²⁴, который, по мнению Р. Гирагосяна, сегодня «приобрел новое стратегическое значение»²⁵.

То, что США в своей внешнеполитической концепции стремятся увязать в рамках единой структуры Центральную Азию с Южной, — это не просто следствие их вовлеченности в Афганистане и того, что для обеспечения афганских операций используются военные базы в Кыргызстане и Узбекистане. Здесь на взрыв активности после событий 11 сентября 2001 года наложились прежние представления о Центральной Азии как о регионе преимущественно ориентально-азиатском и антисоветски настроенном. Все это вместе и породило американские попытки интегрировать Центральную Азию с Афганистаном в единой внешнеполитической и военно-политической структуре. По сло-

²¹ См.: Said E. Orientalism. New York: Vintage, 1979.

²² См.: Myer W. Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia. London: Routledge/Curzon, 2002.

²³ См.: MacFarlane S.N. The United States and Regionalism in Central Asia // International Affairs, 2004, Vol. 80, No. 3. P. 447—461.

²⁴ Lovelace D. Foreword. В кн.: Strategic Consequences of the Iraq War: US Security Interests in Central Asia Reassessed / Ed. by E. Wishnick. US Army War College: SSI. P. iii.

²⁵ Giragosian R. The Strategic Central Asian Arena // China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 133.

вам помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Элизабет Джоунс, «после 11 сентября стратегические интересы США в регионе сосредоточились на борьбе с терроризмом, и прежде всего на ликвидации террористов и других подрывных группировок»²⁶. Благодаря этому стратегическое присутствие США в регионе после 11 сентября резко возросло. Были развернуты военные базы «Ганси» («Манас») и «Карши-Ханабад», получено право пролета через воздушное пространство Таджикистана и Туркменистана. Как отмечает Ф. Хилл, «основные интересы Америки лежат в сфере безопасности, и состоят они в том, чтобы не допустить «афганизации» Центральной Азии, ее «засевания» новыми террористическими группировками, способными угрожать стабильности близлежащих регионов и наносить удары по Соединенным Штатам»²⁷.

Такая логика повлияла даже на внутреннюю реорганизацию Госдепартамента США. К концу 2005 года Центральная Азия была выведена из компетенции руководимого Э. Джоунс отдела Европы и Евразии и передана в ведение вновь созданного Бюро по делам Южной и Центральной Азии (см. рис. 1). Предвестником этой перемены стала передача региона в октябре 1999 года из зоны ответственности Атлантического командования Министерства обороны США в зону ответственности его Центрального командования (Центкома). Эта бюрократическая реорганизация уже сама по себе показывала, что США воспринимают регион в отрыве от славянских постсоветских государств. Такое понимание отражается на общей политике в регионе. Например, если, как считают американцы, Центральная Азия политически и культурно ближе к Пакистану и Афганистану, чем к Беларуси или Грузии, — это позволяет понять, почему вashingtonский аналитик может утверждать, что роль России в регионе периферийная и постоянно уменьшается²⁸.

Washingtonские специалисты по анализу проблем безопасности добавляют к аргументам о культурно-исторической близости еще и соображения о современной ситуации в сфере безопасности. Профессору анализа боевых действий Военно-морского колледжа США Т. Барнетту Центральная Азия представляется частью «неинтегрированного провала» (включающего также большую часть Африки, Ближний Восток, Южную Америку и Пакистан/Афганистан, но не Россию или Европу), который в силу его «изолированности» таит опасность для «ядра» глобализации²⁹. Крис Сайлл, директор мозгового центра «Институт глобального взаимодействия» видит Центральную Азию «на самой вершине дуги кризиса, поднимающейся из Северной Африки к Центральной Азии, перед тем как спуститься в Южную Азию»³⁰. Бывший министр обороны США Дональд Рамсфельд отмечает «широкую дугу нестабильности, протянувшуюся от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии», которая несет угрозу жизненно важным интересам Соединенных Штатов³¹. Служебная принадлежность всех этих авторов позволяет судить, какими именно идеями обмениваются между собой правительственные учреждения и неправительственные организации. Отделяя Центральную Азию от постсоветского пространства, к кото-

²⁶ Paraphrasing of Jones' Testimony. В кн.: Strategic Consequences of the Iraq War: US Security Interests in Central Asia Reassessed. P. 4.

²⁷ Hill F. The United States and Russia in Central Asia: Uzbekistan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan, and Iran, 15 August 2002 // Brookings, 13 July 2001 [http://www.brookings.edu/speeches/2002/0815russia_hill.aspx].

²⁸ См.: Plater-Zyberk H. Tajikistan: Waiting for a Storm? // Central Asia Series, Conflict Studies Research Centre, London, May 2004, Vol. 4, No. 13.

²⁹ Barnett Th. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkeley Books, 2004. Русский перевод см.: Барнетт Т. Новая карта Пентагона // Россия в глобальной политике, 2004, № 3 [http://globalaffairs.ru/number/n_3225].

³⁰ Seiple Ch. Uzbekistan: Civil Society in the Heartland // Orbis, Spring 2005. P. 246.

³¹ См.: Rumsfeld D. Annual Report to the President and to Congress. Washington: Department of Defense, 2002 [http://www.nti.org/e_research/official_docs/dod/2002/81502DOD.pdf], July 2009. P. 11.

Рисунок 1

Зона ответственности Бюро по делам Южной и Центральной Азии
Госдепартамента США

рому она принадлежит, и связывая ее вместо этого с Азией, эти авторы одновременно рисуют республики Центральной Азии как «место опасности».

Вразрез с этой концепцией идут дискурсы местных элит и местной общественности. Связи региона с Китаем в экономической сфере и в сфере безопасности растут по экспоненте, но и среди элит, и среди широкой общественности многие смотрят на эти связи с подозрением. К удивлению многих западных наблюдателей, опросы общественного мнения в странах Центральной Азии постоянно демонстрируют большее доверие к России, чем к США. В XXI веке потоки трудовой миграции воссоединили Центральную Азию с РФ, и именно в Россию бежали из Кыргызстана тысячи проживавших там узбеков, когда в 2010 году на юге страны разразилась вспышка насилия. К тому же многие представители элиты в странах Центральной Азии разделяют идею о своей близости Европе, и потому кое-кто из местных аналитиков отзыается о предпринятой в 2005 году реорганизации американского Госдепартамента с недоумением и насмешкой³². То, что постсоветские режимы Центральной Азии сегодня чаще сравнивают не с Беларусью, а с Афганистаном, — это не отражение реальных обстоятельств, а продукт дискурса опасности.

Третий аспект:

Центральная Азия как нечто непредсказуемо-взрывоопасное

В качестве третьего элемента дискурса опасности мы выделили изображение Центральной Азии как чего-то *непредсказуемо-взрывоопасного* и, соответственно, одновременно и таящего угрозу для Запада, и нуждающегося в серьезной перестройке. Этими представлениями окрашены и западные работы, посвященные опасностям межэтнических конфликтов и межгосударственных пограничных споров в Ферганской долине.

В 1990-х годах после событий в Ферганской долине транзитологи часто тревожились, что межэтнические конфликты разорвут регион на части. Априорно установив «этническую основу новых государств Центральной Азии»³³, они исходили из утверждения, что «частота и напряженность кровопролитных межэтнических столкновений, по всей вероятности, будет нарастать»³⁴. Взгляд этот основывался на предположении, что «этничность» — это какая-то очевидная, реальная сила и ее воздействие более значимо, чем любой другой социальный процесс. За такого рода определениями не было ни каких-то серьезных попыток теоретического анализа «этничности», ни какой-то серьезной эмпирической исследовательской базы. Все, на чем они основывались, — весьма небесспорные истолкования вспышек насилия в советской Средней Азии в последние годы существования СССР. Наиболее масштабными вспышками такого рода были столкновения между узбеками и кыргызами в Узгенской и Ошской областях на юге тогдашней Киргизии (Кыргызстана)³⁵. Эти случаи выставлялись как пример «межэтнических противоречий», которые, по мнению авторов, «всегда составляли характерную черту положения дел в

³² См.: Интервью с Рашидом Абдулло, независимым политическим обозревателем. Таджикистан — Душанбе, июнь 2005.

³³ Clem R.S. The New Central Asia: Prospects for Development. В кн.: Geography and Transition in the Post-Soviet Republics / Ed. by M.J. Bradshaw. Chichester: John Wiley and Sons, 1997. P. 171—172.

³⁴ Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 370—371.

³⁵ См.: Asankanov A. Ethnic Conflict in the Osh Region in Summer 1990: Reasons and Lessons. В кн.: Ethnicity and Power in the Contemporary World / Ed. by K. Rupesinghe, V. Tishkov. Paris: United Nations University, 1996.

Центральной Азии»³⁶. Что еще важнее, было широко распространено мнение, что «это напряжение будет и далее нарастать»³⁷, а потому и в дальнейшем также станет основной характерной чертой региона. Такое детерминистское толкование межэтнических конфликтов вновь ожило в ходе весьма односторонней интерпретации вспышки насилия в Оше и Джелалабаде в 2010 году (см. ниже).

Восприятие Центральной Азии в терминах «межэтнических конфликтов» как «непредсказуемого и взрывоопасного региона» подпитывалось и соответствующим истолкованием пограничных споров конца 1990-х — начала 2000-х годов. В то время в Центральной Азии начался или ускорился процесс делимитации и демаркации межгосударственных границ. Со второй половины 1998 года Узбекистан стал строже контролировать перемещение людей и товаров через свои границы. Было закрыто множество мелких контрольно-пропускных пунктов, основные потоки транспорта были перенаправлены подальше от мест трансграничного перехода, усилен таможенный и пограничный контроль и даже возведено двухметровое ограждение из колючей проволоки на большом протяжении вдоль границ в Ферганской долине, а другие участки границы были заминированы. Эти предпринятые в одностороннем порядке шаги создали огромные неудобства для множества жителей приграничных районов, стали причиной вспышек отчаяния и ярости в пограничных пунктах, столкновений жителей с военнослужащими, гибели контрабандистов от огня пограничников, гибели скота, смертей и увечий людей, подрывавшихся на минных полях. Э. Макглинчи объединил все эти разнородные процессы и споры и присвоил им общий ярлык «пограничной войны низкого уровня интенсивности»³⁸. В некоторых академических кругах разговоры об «этой взрывоопасной и непредсказуемой Ферганской долине» стали общим местом.

Но не только в научных кругах формируется представление об угрозах, которые таит Ферганская долина из-за ее непредсказуемой взрывоопасности. К тому же языку и той же логике прибегают журналисты³⁹, специалисты по проблемам развития⁴⁰, авторы документальных телепрограмм⁴¹. Изображаемая ими картина как бы утверждает, что вспышки насилия там вполне возможны просто потому, что межэтнические конфликты уже случались в прошлом. Тем самым практически не остается места для учета политических факторов, для анализа роли этнического предпринимательства как стимула к насилию или возможной роли государственных органов и негосударственных организаций в смягчении напряженности. Здесь как раз весьма показательна вспышка насилия в Оше в 2010 году. Вовсе не случайность, что в период правления президента Акаева (1991—2005 гг.) подобных вспышек не было: Акаев гораздо эффективнее регулировал межэтнические взаимоотношения, вступая в союзы с узбекскими лидерами на юге республики. При президенте Бакиеве (2005—2010 гг.) отношения ухудшились, поскольку тот опирался на союзников из числа крайних националистов, и, когда после его ухода образовался вакуум власти, разгорелось насилие. Все это вопросы политики, но дискурс опасности не располагает вдаваться в тонкости местной политической игры.

Бесхитростные утверждения о том, что межэтнические конфликты неизбежны уже в силу того, что они случались в прошлом и что сам регион взрывоопасен, поддерживаются игнорированием более строгих исследований, опровергающих их исходные посылки и выводы. Дж. Шоберлайн, например, показывает, что «этническая самоидентификация» в

³⁶ Haghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. New York: St Martin's Press, 1995. P. 186.

³⁷ Fane D. Ethnicity and Regionalism in Uzbekistan. В кн.: Ethnic Conflict in the Post-Soviet World: Case Studies and Analysis / Ed. by L. Drobizheva, R. Gottemoeller, C. McArdle Kelleher, L. Walker. London: M.E. Sharpe, 1996. P. 275.

³⁸ McGlinchey E. Powerless in Kyrgyzstan // RFE/RL Newsline, 13 July 2000.

³⁹ См.: Caryl Ch. Declining Democracy // Newsweek Web Exclusive, 21 January 2001 [www.newsweek.com].

⁴⁰ См.: Rubin B., Lubin N. Op. cit.

⁴¹ См.: Holidays in the Danger Zone: Meet the Stans // BBC, 2002—2003.

Центральной Азии — это весьма зыбкий и подвижный социальный процесс, из которого не так-то просто вывести сценарии конфликтов⁴². Г. Смит отнюдь не одинок в утверждении, что «если проследить все случаи межэтнического насилия за постсоветский переходный период, то станет очевидно, что число новых вспышек насилия на почве межэтнических конфликтов существенно сократилось по сравнению с началом 1990-х годов»⁴³. Н. Мегоран показал, что «пограничные споры» — это не простой политический факт, но более сложный процесс: он осознается и оформляется в виде пограничных споров лишь в контексте соответствующих внутриполитических реалий и не обязательно связан с межэтническими противоречиями⁴⁴. Н. Полат в своем исследовании пограничных проблем в Центральной Азии отметил, что государства региона «благодаря усилиям, не прекращающимся с момента обретения независимости, по большей части сумели разрешить эти проблемы практически на всех направлениях»⁴⁵. Да, физическая опасность и системное насилие — существенный элемент повседневной жизни региона, но содержащаяся в дискурсе опасности специфическая картина конфликтов и опасностей, представляющая Центральную Азию как непонятную, ориентальную и непредсказуемо-взрывоопасную, — не соответствует действительности. Здесь необходим более сложный нарратив современного социального и политического конфликта, обращающий внимание на новые, каждый раз особые и обусловленные прежде всего политическими факторами причины конфликтов. И причины эти следует искать в процессах государственного строительства, национального строительства и формирования рыночных экономик с крайним социальным неравенством.

Следствия:

Новая повестка дня для исследований Центральной Азии

Представляя Центральную Азию чем-то принципиально непонятным, ориентальным и непредсказуемо-взрывоопасным, западный геополитический дискурс формирует принципиально неверное понимание региона как опасного по самой своей природе. Воспроизводясь в академических работах, журналистских материалах, документальных телевизионных сюжетах, программах международной помощи, эти представления взаимно подкрепляют друг друга и получают широкое распространение. Данный «дискурс опасности» во многом определяет и сам язык, на котором формулируют и транслируют знание о регионе, — язык, с помощью которого западная аудитория оказывается способна мысленно освоить этот регион, включить его в систему своих представлений.

Этот дискурс опасности представляет далеко не чисто академический интерес — у него есть и вполне практические следствия. Так, после вспышки насилия в Оше в 2010 году международные организации и СМИ широко распространяли нарратив об узбеках, которым угрожает кыргызское государство и общество; в некоторых описаниях фигурировали такие выражения, как «погром» (Международная группа по предотвращению кризисов — ICG, 2010 г.) и «геноцид»⁴⁶. Кыргызская общественность, узнавая о подобных сообщениях через Интернет, чувствовала себя уязвленной и трактовала их как непо-

⁴² См.: Schoeberlein-Engel J. Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of «Ozbek», «Tajik», «Muslim», «Samarqandi» and Other Groups. Ph.D. thesis. Harvard, 1994.

⁴³ Smith G. The Post-Soviet States: Mapping the Politics of Transition. London: ArNo.lд, 1999. P. 227.

⁴⁴ См.: Megoran N. The Critical Geopolitics of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary Dispute, 1999—2000.

⁴⁵ Polat N. Boundary Issues in Central Asia. Ardsley: Transnational Publishers, 2002. P. 167.

⁴⁶ Harding L. Kyrgyzstan Killings are Attempted Genocide, Say Ethnic Uzbeks // The Guardian, 17 June 2010. P. 1.

нимание ситуации, как нежелание замечать страдания самих кыргызов и то, что самим кыргызам представлялось угрозой кыргызскому государству. Повсеместным ответом на это был отказ признавать кыргызстанских узбеков жертвами и оправдание направленной против них «ответной реакции». То, как мы толкуем опасности Центральной Азии, самым реальным образом воздействует на местные реалии.

Аналогичным образом дискурс опасности создает информационную основу для выработки внешней политики Запада. В работе Н. Мегорана и др. обсуждаются западные программы содействия организации пограничного контроля в странах Центральной Азии. Эти исполненные благих намерений схемы полностью упускают из виду часто наблюдающееся сотрудничество сетей контрабандистов с коррумпированными правоохранительными органами. В результате предлагаемые схемы оборачиваются тяжелейшими затруднениями для членников и мелких контрабандистов или полным их искоренением, но практически никак не препятствуют крупномасштабной организованной преступной деятельности⁴⁷. К. Бичсел, рассматривая международные усилия по разрешению водных споров в Ферганской долине⁴⁸, показывает, как дискурс опасности, которым проникнуты эти инициативы, рождает упрощенное и ошибочное понимание межэтнических конфликтов⁴⁹ и потому лишь увеличивает мощь местных элит, борющихся за контроль над государственным механизмом и над ресурсами. Аналогичным образом Дж. Хезершоу показывает, как применительно к ситуации постконфликтного Таджикистана дискурс опасности заставляет видеть источник угрозы в исламизированном и расколотом по этническому признаку таджикском обществе и в наличии слабого или даже несостоявшегося государства. Такое понимание угроз стимулирует международные попытки помочь Таджикистану в государственном строительстве, которые, в свою очередь, лишь усиливают авторитарный режим, закрепляют его полное преобладание в экономической и политической сфере и, как можно показать, только обостряют проблемы, которые пытаются решить⁵⁰. Меры международной помощи, к которым подталкивает дискурс опасности, не решают проблемы, а создают их. В этом смысле он сам составляет опасность для Центральной Азии.

Западный дискурс опасности вызывает возражения и своей наивностью и неточностью, и той реальной опасностью, которую он несет самой Центральной Азии. Мы убеждены, что опровержение этого дискурса должно стать важнейшей задачей и даже задать новую повестку дня для центральноазиатских исследований.

Задача не ограничивается критикой одной лишь западной картины событий. Дискурс опасности применительно к Центральной Азии можно встретить и в русскоязычных материалах, и в материалах на других языках. Нередко они при этом опираются на англоязычную литературу. Так, в России направление, называемое «исследование конфликтов» («конфликтология»), широко использует западную теорию и методологию разрешения конфликтов⁵¹. В самой ЦА представители научного сообщества воспроизводят дискурс опасности в работах, которые пишут в соавторстве с западными учеными, в материалах, которые они готовят в качестве экспертов и консультантов, в докладах, выполняемых по поручению международных организаций. То, как неравенство позиций и асимметрия в распределении силы и власти ведут к воспроизведению дискурса опасности, заслуживает самого пристального изучения.

⁴⁷ См.: Megoran N., Raballand G., Bouyjou J. Performance, Representation, and the Economics of Border Control in Uzbekistan // Geopolitics, 2005, Vol. 10, No. 4. P. 712—742.

⁴⁸ См.: Bichsel Ch. Conflict Transformation in Central Asia. London: Routledge, 2009.

⁴⁹ См.: Bichsel Ch. In Search of Harmony: Repairing Infrastructure and Social Relations in the Ferghana Valley // Central Asian Survey, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 53—66.

⁵⁰ См.: Heathershaw J. Post-Conflict Tajikistan. London: Routledge, 2009.

⁵¹ См.: Reeves M. Locating Danger: *Konfliktologija* and the Search for Fixity in the Ferghana Valley Borderlands // Central Asian Survey, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 67—81.

Бороться со всем этим непросто: слишком сильно укоренен дискурс опасности в существующих сетях и структурах власти. Другие подходы существуют и формулируются, но слишком часто их просто не воспринимают. Они не так удобны и плохо согласуются с некоторыми укоренившимися предубеждениями; чтобы понять их, нужно куда лучше знать и понимать Центральную Азию. Как утверждает Майер, необходимо «политически приходиться ко двору» — это условие по-прежнему определяет, какие именно интерпретации политической и социальной динамики Центральной Азии возобладают»⁵².

Контрнарратив, способный противостоять дискурсу опасности, должен раскрывать какие-то опасности из того широкого спектра угроз, который ощущают сами люди, семьи и сообщества в Центральной Азии перед лицом национализма, капиталистической перестройки и новых режимов управления территориями. Он поможет нам по-другому взглянуть на место Центральной Азии в глобальной политике и тем самым опровергнуть исходные геополитические допущения, на которых основывается дискурс опасности. А когда мы уменьшим те опасности, что сами создаем для Центральной Азии в роли ее исследователей, мы, возможно, сумеем ослабить и множество других опасностей для ее жителей.

⁵² Myer W. Op. cit. P. 269.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФГАНИСТАНЕ: РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эльдар ГАБДУЛЛИН

кандидат философских наук,
эксперт Центра современной политики (ЦЕСОП)
(Алматы, Казахстан)

Аида АБИРОВА

эксперт Центра современной политики (ЦЕСОП)
(Алматы, Казахстан)

Введение

Сегодня Исламская Республика Афганистан (ИРА) — одна из горячих точек планеты: там пролегает фронт борьбы с международным терроризмом, апеллирующим к радикальному исламу; там сосредоточены многообразные экстремистс-